наково, невзирая на совершенное различие этнической принадлежности пришельцев. Когда же в IX столетии книжное Рос столкнулось у них с именем Русь, оно сделалось в византийской литературе наименованием Руси. Название это в виде *Россия* проникло на Русь лишь в XV веке (см.: А. В. Соловьев. Византийское имя России. — «Византийский временник». XII. М., 1957).

Доктор филологических наук
А. И. ПОПОВ
Ленинград

ГОД, ГОДИНА, ВРЕМЯ

В современном русском языке эти слова имеют разное значение, а между тем история каждого из них самым тесным образом связана с историей других. В далеком прошлом в русском языке (а лучше сказать древнерусском) слово *год* употреблялось в двух основных значениях: время (неопределенное) и период времени в 12 месяцев. Причем первое значение более древнее: оно встречается в церковнославянских по происхождению памятниках и в древнерусских: «Приде год ея, егда же родить отроча» (Остромирово евангелие); «Князь в тыи годы володыи всею землею Рускою» (Нестор. Чтение о житии Бориса и Глеба).

В этом значении было широко употребительным и производное *година* с экспрессивным суффиксом *-ин-а:* «Приде година да прославиться сынъ чловечьскыи» (Остромирово евангелие); «Грядеть година...» (Иларион. Слово о законе). Однако в употреблении существительного *год* и производного от него *година* было и различие. Первое передавало, как правило, понятие о времени, не отмеченном какими-либо исключительными событиями, то есть о времени как таковом: «В ней же [въ церкви] обычныя песни богу воздають в годы обычныя»

(Повесть временных лет). Производное *година* уже с древнейших пор употреблялось часто с определениями, которые подчеркивали не только его выразительность, но и особый характер обозначаемого им времени. Это время характеризовалось наиболее знаменательными событиями и явлениями (година спасения; година брачная и т. п.): «Уже бо, братие, невеселая година въстала» (Слово о полку Игореве): «Не свершенами годинами плоды износять сади» (Хроника Георгия Амартола).

Существительное *год* со значением 'время' выходило из употребления. Оно вытеснялось заимствованием из старославянского языка *время:* «Гладное время» (Нестор. Житие Феодосия); «Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую» (Слово о полку Игореве). Это заимствование, как известно, прочно укоренилось в русском языке как нейтральное слово. Стилистически окрашенное производное *година* поэтому не могло занять позиции исчезнувшего существительного *год,* от которого оно образовано (как это имело место в истории слов *долина — дол, хижина — хина, половина — пол*): связь производного *година* по значению с корнем *год* стала минимальной. Она не была разрушена полностью только благодаря тому, что в русском языке сохранилось слово *год* со значением 'отрезок времени, равный 12 месяцам', а следовательно, сохранились какие-то связи временнóго характера с производным *година.*

Можно сказать, что в последнем, с современной точки зрения, произошла как бы замена производящей основы в смысловом плане, но связь слова *година* с этой основой слабая, чисто ассоциативная. Иначе оно никогда не получило бы ту «возвышенную» стилистическую окраску, которую имеет. Этому повышению в стилистическом «ранге» способствовала изначальная выразительность, придаваемая слову суффиксом *-ин-а,* отрыв по значению от производящего слова, своеобразное лексическое окружение, подчеркивающее особенности обозначаемого понятия времени.

Выражения типа *година спасения* приобрели как бы ореол возвышенности, которая ощущается до сих пор. Слово *година* за свою историю обросло постоянными оценочными эпитетами. Они тоже усиливают его выразительность, подчеркивая исключительность, особый характер соответствующего периода времени: горькая, траурная, черная година; година бед, невзгод, испытаний.

Как мы видели, постепенно произошло сужение значения производного *година*. Обозначая ранее 'неопределенное время', оно стало названием времени, ознаменованного какими-либо важными событиями. Эта «важность» также придает слову *година* оттенок книжности, приподнятости и по настоящее время.

Так переплелись судьбы слов не только неодинаковых по значению, но и разных по происхождению.

В. И. МАКСИМОВ
Ленинград

МЕРА

Вплоть до XVII века весовые меры употреблялись на Руси весьма ограниченно. С помощью весовых единиц измерялись в XVI веке, пожалуй, только масло, конопля, сало, мед и немногие другие товары.

Вместо весовых мер использовались меры вместимости (объема), своеобразие которых зависело от товара. Рожь, овес, ячмень, лук, мелкую рыбу, известь измеряли *четвертями*, *осьминами*, *четвериками*. *Четверть* равнялась двум *осьминам* и восьми *четверикам*. В конце XVII века *четверть* соответствовала восьми пудам, отсюда *осьмина* — четырем, *четверик* — одному. Единицами измерения соли были *рогожа* (около 18—25 пудов), *пошев* (около 15 пудов), *мех* (до 7 пудов). Мясо исчислялось *стягами*, *полтями*, *тушами*; сено — *возами*, *копнами*, *стогами*, *острамками*; необмолоченный хлеб — *сотницами и овинами*; рыба — *возами*, *бочками*, *пластями*, *прутами*, *звеньями*; металл — *крицами*, *полицами* и *прутами*.

Все перечисленные единицы измерения были общеупотребительными мерами Московского государства и, кроме общеупотребительных единиц измерения, в то время были в ходу сохранившиеся от далекого прошлого местные, областные меры.

Так, в Новгороде Великом зерно измеряли не общеупотребительными *четвертями*, а *коробьями*, в Пскове — *зобнями*; в Белозерском уезде вместе с *четвериком* использовалась одинаковая с ним по величине единица измере-